

ОТЪЕЗД

Из утрюемого здания цирка,
Что стоит у Центрального рынка,
Убегают, все путы распутав,
Двое маленьких злых лилипутов.

И бежит эта странная пара
Вдоль гигантских скамеек бульвара.

Не забыли они, не забыли,
Как их пьяные клоуны били,
Как стояли они на помосте,
Где ломали им души и кости.

Убежали из этого ада,
Так не надо же плакать, не надо!

За Орфеем в костюмчике строгом
Поспешает она, как за Богом
Торопилась вослед Магдалина —
Мимо Праги, Москвы и Берлина,
Мимо воинов, шлюх, музыкантов —
Из жестокого мира гигантов.

Скоро смогут они по размеру
Выбирать себе горе и веру,
И шутить, эскимо покупая
И губами к нему прилипая.

Только ночью сквозь них сновиденья
Прорастут, как большие растенья.
И не будет в них бегства из плена —
Лишь арена, арена, арена...

БЕГСТВО

Я так бежал, что спотыкались губы,
Припоминая ремесло коня.
Свистели флейты. Надрывались трубы.
Я так бежал, что не было меня.

Как серый дым, я исчезал во мраке,
Вращался я, как призрак колеса,

Как будто вспомнил ремесло собаки,
Обнюхивая чьи-то голоса.

Свистели флейты. Надрывались трубы.
По версиям ранений ножевых
Я так бежал, что поднимались трупы,
Припоминая ремесло живых.

Не дай мне, Боже, умереть во прахе,
Мой одинокий бег благослови.
Я так бежал, что спотыкались плахи,
Припоминая ремесло любви...

* * *

безоблачно течение времён
над нашими большими головами
и травяными ветхими правами
простые вещи нас благотворят

нам краски утешение дарят
нам невозможно не услышать звука
о музыки священная наука
забывчивость моя как виноград

а память как вино из винограда
и опьяненье лёгкая награда
за этот мир где нагота бесплодна
пуста земля и ласточка свободна
земля пуста а истина проста

играю музыку дышу стихотвореньем
дышу рассвет играю не дыша
переживу столетье не спеша
как не спеша живут его корни
не вспоминай о сломанных ветвях
потратиться на них пустая трата
лежу как голова Хаджи-Мурата

но чьё же тело волокут солдаты
подвесив бурку на больших кровях

переживу...

РЕВОЛЮЦИЯ

(поэма)

*Мы, лобастые мальчики
невиданной революции...*

Павел Коган

1

И начинают каблучки пажей
Выстукивать чечётку мятежей.

И засоряют память площадей
Цвета знамён и прозвища людей.

И пулемёты лезут на балкон,
Захлёбываясь лентами окон.

Невыносимо низок потолок.
Невыносимо гениален Блок.
Невыносимы шорохи знамён,
Которым нету дела до имён!

Когда гортани рупоров мертвы,
Они уже не требуют жратвы.

Они, как жезла, требуют ружья.
Уже расстрелян и низложен я.

Уже калеки тянут кулаки,
Чтоб исправлять мои черновики.

2

Я постиг неизбежность френча.
Читаю революцию, как метеосводку.

Беру в руки винтовку,
Выхожу на улицу
И стреляю по освещённым окнам.
Приказываю:
Сегодня ликвидировать всех поэтов,
Завтра — художников, скульпторов, музыкантов.
Назначаю себя

Верховным Комиссаром Всея Руси.
Ордера и мандаты
Без моей подписи
Недействительны.

3
Не оскорбить твои знамёна.
Твои бессонницы чисты.
Твои декреты и законы
Творят евреи и шуты.

Они на пленумах картавят,
И ради счастья моего
На камне камня не оставят,
Не пожалеют ничего.

4
Листаю плоские равнины,
В далёких комнатах сижу,
Где полоумные равнины,
Как предисловье к мятежу.

На площадях и в синагогах
Они задумали меня,
Лаская женщин синеоких
Руками будущего дня.

Моя святая неудача,
Россия. Плачу и молчу.
Твоей пощёчиной, как сдачей,
В кармане весело бренчу.

Худыми, узкими плечами,
Глазами, полными луны,
Люблю тебя, люблю печально,
Как женщин любят горбуны.

Измерю ширь твою и дальность
Подробным шагом муравья.
Во мне твоя сентиментальность,
И только злоба не твоя.

И только медленные слёзы,
И тень ресниц на потолке...
Моя трагедия — заноза
В твоей сияющей руке!

5

Святые, лёгкие, как щепки,
Уже покоятся в гробах.
Уже распяты в пальцах цепких
Саднят железом на губах.

Очередями воздух порван.
И поезда издалека
Вонзают станции, как шпоры,
В мои кровавые бока.

Уже мешочники пируют,
Искусство брошено за борт,
И полоумные хирурги
России делают аборт.

Уже людей боятся люди,
Деревья просят топора.
Уже деревня голой грудью
Бросается под трактора.

О, Революция! растаешь,
Сторишь в дыму библиотек.
Ты устаёшь и вырастаешь,
Ты слёзы пыльные глотаешь,
Грустишь и плачешь не о тех!

6

Страна повальных эпидемий,
Солдат, убитых наповал!
Нас тот же ветер отпевал,
Науки тех же академий
Двадцатый век преподавал.

Во-первых, серебро кадилъниц
Среди обители пустой
Невероятно, как Кандинский,
В стране, где только Лев Толстой!

Невероятно постиженьё
Падений, слов и падежей,
И между тяжких этажей
Невероятно продвиженьё.

И, во-вторых, бредут заводы,
И раздирает песня рот,
И падают, глотая воздух,
Держась руками за живот.

И невозможна остановка.
Возможен выстрел сторяча,
Когда, о будущем крича,
Забьётся песня у плеча,
Продолговато, как винтовка!

И, в-третьих, грустные Силены,
Стихами грустными звеня,
Проголосуют за меня
И вытолкнут меня на сцену.

Запричитаю торопливо.
Паду в тумане кровавом
Твоим суфлёром терпеливым,
Твоим последним крикуном!

7

Я нахожу причину плача.
Она наивна и проста.
Под сенью чёрного креста
Обозначаю палача,
А рядом — жертву обозначаю,
Не отрываясь от листа.

И если жертва — это я,
То почему палач спокоен,
И почему его рукою
Начертана строка моя?

А если убиваю я,
То почему мой труп холодный
Горой кровавого белья
Оголодавшим птицам отдан
Среди продрогшего жнивья?

8

Умирают боги, умирают...
И, не смея плакать, до утра
Бабы шмотки мужнины стирают,
Чтоб отмыть вчерашнее «ура».

И, пропитан щёлоком и содой,
На штыках полощется закат.
И, вздуваясь, опадают годы
На губах больного старика.

И дворцы пылают, как сараи.
И, куда-то в Африку уйдя,
Умирают боги, умирают,
Сладковато падалью смердя!

Февраль — май 1965 г.

От вас останется рябиновая слякоть,
Мои наставники, учителя мои.
Пока эпоха крепкие чаи
Гоняла в блюдах до седьмого пота,
По лагерям разучивались плакать
Мои учителя, наставники мои.
И зашагала козырная рота
Ветра сибирские в колодки забивать.
А мне прикажете — тревожить Мандельштама
И Гумилёву руки целовать?
А мне прикажете — трёхвёрстного масштаба
Слепую карту в сердце рисовать?
Санкт-Петербург. Елабуга. Инта.
Ещё часок до утреннего шмона.
О, Господи, какая темнота!
Жестокого и царственного лона
Я близость нелюбимую познал,
Губами чёрными холодных век касаясь...
Давай, Кончак, веди своих красавиц!
Пускай холодных век голубизна
Глубокой станет, губ моих касаясь.
Какие невесёлые подарки
Дарили вы, в бессмертье уходя
Бездонное, как тот сонет Петрарки,
Что станешь ангелом, его переводя...
И вечный голод. Хлеб нам только снится,
Холстина нежная той нищенской сумы,
Охрана пьяная, тюремная больница —
Бессмертье страшное, в котором жили мы.
Усталыми плечами прислониться
К стене, и окрик: «Повернись к стене!»
Какие руки шарили по мне!
О, Господи, забыться, раствориться,
Войти в рябиновую слякоть ваших тел,
Учители, наставники и боги...
«Quo vadis, Domina?» Я встретил на дороге
Того, кто переделать мир хотел...

* * *

Не надо жалости. Добей меня, добей.
Любовь в парадном не умеет плакать,
Когда по Сретенке идёт царица Слякоть
И подбирает трупы голубей.

Когда по Сретенке идёт глухая ночь,
Я улыбаться не могу, как равный.
Плательщик бедный, плакальщик исправный
Платить не в силах и рыдать невмочь.

Прощальных слов дрожащий позвоночек
Со мной останется, и дым твоих затей.
И этих пальцев жалобный веночек,
Венец терновый, кровь из-под ногтей...

* * *

Когда воскресну — сожалеть о теле
Не стану я. Не вспомню о себе.
И семь чудесных пятниц на неделе,
И церковь медную в украинском селе
Забуду я. Так стоит ли жалеть,
Так нужно ль плакать, стоя на пороге
Дыры тюремной в Нерчинском остроге,
Где мне пришлось недавно околеть?

* * *

Я умирал у Сретенских ворот.
Ко мне пришёл Последний переулок,
Как Веневитинов — кусая нежный рот,
Как Мусоргский — велеречив и гулок.

И слов его я не успел понять,
Расшифровать последнее объятье...
Привычка жить — последнее занятие,
Которым боги тешили меня.